

Манойло А.В.

**МОДЕЛИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» СЕТЕВЫХ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(на примере запрещенных в Российской Федерации
«Исламского государства», Аль-Кайды, Талибана
и «Братьев-мусульман»)**

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительному политологическому анализу моделей «мягкой силы» сетевых террористических организаций на примере запрещенных в Российской Федерации террористических организаций и группировок «Исламское государство», Аль-Кайда, Талибан и «Братья-мусульмане». Объект исследования – мягкая сила. Предмет исследования – формы, методы, модели и технологии мягкой силы террористических организаций (на примере деятельности «Исламского государства», Аль-Кайды, Талибана и «Братьев-мусульман»). Автор обращает внимание на то, что в своей идеологической и пропагандистской деятельности террористы из различных транснациональных организаций и группировок используют мягкую силу в целях сплочения экстремистов, вовлечения в террористическую деятельность новых adeptов и для ведения информационной войны со своими идеологическими противниками (как с правительствами различных стран, борющихся с международным терроризмом, так и со своими прямыми конкурентами из числа экстремистов, террористов и исламистов). Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. Мягкая сила террористов не повторяет формы и методы мягкой силы США, известной нам по работам американских не-олибералов (Дж. Ная, Р. Кохейна и др.), а имеет свою собственную модель, существующую в виде определенного набора версий, адаптированных под идеологию каждой конкретной международной террористической группировки: так. Своя модель мягкой силы есть у ИГ, у Талибана, у Аль-Кайды. У «Братьев-мусульман», и эти модели довольно сильно отличаются друг от друга даже в своей базовой основе.

Ключевые слова: политическая система, глобальное информационное пространство, мировая политика, глобальная нестабильность, международные отношения, дипломатия, интересы, государство, безопасность, «цветные революции».

Abstract. This article is dedicated to comparative political analysis of the models «soft power» employed by network of terrorist organizations, banned in Russian Federation – «The Islamic State», Al-Qaeda, the Taliban and the «Muslim Brotherhood». The object of the study is soft power. Subject of research are the forms, methods, models and technologies of soft power employed by terrorist organizations (on the example of the «Islamic state», Al-Qaeda, the Taliban and the «Muslim Brotherhood»). The author draws attention to the fact that, in their ideological and propaganda work, terrorists from various multinational organizations and groups use soft power in order to unite extremists, to involve new adepts in terrorist movements, and to conduct information warfare with their ideological opponents (the governments of various countries that fight international terrorism, as well as with their direct competitors, who are extremists, terrorists and Islamists). Soft power employed by terrorists does not take the same forms and employ the methods of US soft power that we know from the works of American neo-liberals (J. Nye,

R. Keohane et al.). It has its own model in the form of a specific set of incarnations, each adapted to the ideology specific international terrorist groups. The «Islamic State, the Taliban, Al-Qaeda each have their own model. In case of the «Muslim Brotherhood», and these models are quite different from each other, even among different cells of the organization.

Key words: *diplomacy, international relations, global instability, world politics, global information space, political system, interests, state, security, color revolutions.*

Одним из основных факторов, придающих, наряду с контрабандой нефти и культурных ценностей, устойчивость существованию таких террористических группировок как «Исламское государство» (ИГ), Аль-Кайда (действующая с Сирии под названием Джабхат-ан-Нусра), «Братья-мусульмане» и Талибан – это их собственная система идеологии и пропаганды, которую в последнее время все чаще называют «мягкой силой» исламистов. Благодаря отлично выстроенной идеологической, агитационной и пропагандистской работе вербовщики ИГ, Талибана, Аль-Кайды вовлекают в свою деятельность молодежь (не только мусульманскую, но и новообращенных из числа христиан), восполняют боевые потери в живой силе, нанимают специалистов в области ведения информационных войн и киберразведки, экономики, нефтедобычи и освоения недр, государственного администрирования и местного самоуправления. Именно благодаря собственной модели, формату «мягкой силы» исламисты из ИГ, Аль-Кайды и других группировок могут годами вести вооруженную открытую или диверсионно-партизанскую войну против всего западного мира, ежедневно восполняя свои ресурсы за счет помощи разделяющих их взгляды и политическую позицию политических партий, движений, общественных объединений, диаспор, легально действующих по всему миру. Особенно этим отличаются «Братья-мусульмане», которые активно вовлекают в свои ряды высокообразованную интеллигенцию, университетских профессоров, ведущих ученых, аналитиков, представителей национальных политических элит, используя их в качестве агентов и каналов распространения мягкой силы, а также для разработки новых моделей идеологического, ценностного, пропагандистского воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан в различных странах мира.

Мягкой силой идеологическое воздействие исламистов можно назвать потому, что

значительную часть молодых членов этих группировок привело к джихадистам увлечение их мировоззренческими установками, ценностями, взглядами на мир и на наиболее острые его проблемы (среди которых самыми серьезными являются проблемы социально-политического неравенства, нищеты, отсутствие социальных лифтов), а также уверенность этих группировок в собственных силах и способности эти проблемы решить. В идеологии всех группировок – и Талибана, и Аль-Кайды, и ИГ, и «Братьев-Мусульман», сильно замешанной на исламизме и исламском модернизме, активно используются такие понятия как социальная справедливость, равенство, отсутствие сословных, родовых, племенных различий, братство, взаимопомощь и взаимная поддержка в любом деле (то есть коллективизм). Если Аль-Кайда и Талибан терпимо относятся к социальному неравенству, ИГ активно выступает за устранение социального неравенства в принципе и обеспечение каждому своему стороннику равенства возможностей, при условии, что он будет полностью следовать образу жизни, специальным нормам и канонам, установленным в ИГ.

Значительную роль в притяжении мягкой силы того же ИГ играет построенное исламистами на захваченных у Сирии и Ирака территориях особое социальное сообщество, в котором принципы социальной справедливости – в том виде, в котором их понимают идеологи ИГ – наряду с канонами ислама салафитского толка, являются одним из главных регуляторов общественных отношений. Молодым людям, завербованным игиловскими агитаторами, внушается, что они будут жить пусть в жестком, но справедливом мире, где справедливость одна и для богатых, и для бедных, и для полевых командиров, и для рядовых моджахедов, и этого оказывается для многих достаточным для того, чтобы покинуть родной дом и отправиться воевать на стороне ИГ в Ливию, Сирию или Ирак.

Многолетняя практика борьбы с идеологической работой экстремистов показывает, что

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

призыв к абсолютной справедливости, равенству и братству нисколько не утратил своей притягательности: в ИГ идут не только молодые люди из низших, беднейших слоев общества, где с момента рождения у них не было и никогда не будет никаких жизненных перспектив, но и дети богатых родителей, которые на волне эмоционального порыва, поддерживаемого на должном уровне мягкой силой исламистов, отдают все свое имущество (деньги, недвижимость, дорогие машины, ценные бумаги и т.д.) в собственность ИГ и становятся такими же нищими, как и моджахеды, пришедшие в ИГ из дальних аулов. Этот феномен никто из политологов не может толком объяснить, потому что его природа лежит в особом рода притягательности самой мягкой силы. У исламистов ИГ мягкая сила, безусловно, есть.

Своя модель мягкой силы есть у каждой из перечисленных выше террористических организаций: ИГ, Аль-Кайды, Талибана, «Братьев-мусульман». Основой для всех этих моделей выступает радикальный исламизм, как правило, салафитского толка. Однако, помимо исламизма, в этих моделях присутствуют совершенно различные принципы и механизмы воздействия на индивидуальное и массовое сознание: у каждой модели есть свои индивидуальные особенности и различия, определяемые, с одной стороны, конкретными целями и задачами каждой из террористических организаций, с другой, – кадрами, отвечающими за идеологию и пропаганду.

ИГ строит свою идеологическую работу на пропаганде достоинств «нового свободного и справедливого общества» – всемирного исламского халифата, который они строят на захваченных землях Сирии и Ирака. Стержневым концептом их идеологии и мягкой силы является принцип справедливости, защитником которого они выступают (по их собственному мнению, разумеется). ИГ выступает за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере общественных отношений. Их идеологические призывы, после удаления налета исламизма, выглядят вполне по-светски и несут в себе послы, понятные даже безграмотному крестьянину или скотоводу: «землю – крестьянам!», «фабрики – рабочим!», «воду – матросам!», «капиталистов – на вилы» и т.д. Эти лозунги по своему содержанию практически ничем не отличаются от лозунгов большевиков, троцкистов. Не случайно ИГ называют «необольшевиками», отмечают революционный характер

их идеологии и самой организации и пытаются (особенно в Турции и странах Персидского залива) выдать террористическую деятельность ИГ за «великую суннитскую революцию», «суннитское освободительное восстание». Такой характер идеологии ИГ, вероятно, связан с тем, что ее разрабатывали не джихадисты и радикальные суннитские проповедники: при образовании в 2006 году ИГ (на базе иракской ячейки Аль-Кайды, при координирующем участии ЦРУ) в его состав вошло двенадцать суннитских группировок, воевавших против оккупировавших страну войск США и НАТО, которые состояли из бывших солдат и офицеров армии С. Хусейна и бывших чиновников партии БААС. Вероятнее всего, именно они разработали для ИГ псевдореволюционную идеологию, довольно много взявшую у идеологии БААС, арабского возрождения и панарабизма. Здесь, кстати, прослеживается и советская школа идеологической работы: пропагандисты ИГ часто говорят о том, что в борьбе за справедливо устроенный мир они просто сменили распавшийся Советский Союз, который до своей кончины твердо удерживал знамя борьбы за справедливость, равенство, братство. Однако, в 1991 году СССР не стало, российская Федерация оказалась занята своими проблемами – ей стало не до борьбы за справедливое мироустройство, а затем и вообще пошла по пути капитализма; в результате, по словами игиловцев, в мире просто обязан был возникнуть преемник СССР, и этим приемником стал ИГ. В этих умозаключениях лидеров ИГ прослеживается связь с образом Советского Союза. Это неслучайно: многие чиновники администрации С. Хусейна, также как и военные, получили образование именно в Советском Союзе.

Довольно сложная мозаичная картина возникает, когда пытаешься разобраться с идеологией и мягкой силой Талибана. Идеология Талибана сегодня неоднородна – она напоминает «слоеный пирог», состоящий из трех слоев, или уровней. Причем каждому из этих уровней соответствуют свои идеологические основания и своя идеологическая концепция. Связано это даже не с тем, что пакистанские талибы отличаются от талибов афганских, и не с тем, что основу боевых формирований Талибана – движения, не являющегося национальным, например, пуштунским, – составляют именно пуштуны, пакистанские и афганские, представленные сотней различных племен; а с тем, что движение Талибан сегодня переживает поколенческий кризис,

в нем явно присутствует три различных поколения лидеров, и эти поколения придерживаются разных ценностей и взглядов на мир. Это порождает кризис, который сказывается на всех сферах деятельности Талибана, в том числе и на сфере идеологии. Поэтому идеология и мягкая сила талибов «многослойна».

Первое, самое старшее поколение талибов представлено полевыми командирами моджахедов, которые воевали еще с Советским Союзом, а затем и с Северным Альянсом. Это такие фигуры как мулла Омар (мулла Умар), сообщения о предположительной гибели которого появились два-три года назад. Эти лидеры в годы молодости были настроены непримиримо по отношению к своим противникам, как «иностранным захватчикам», так и оппонентам внутри страны, сегодня все они уже пожилые люди и они понимают, что вся жизнь их прошла в боях и походах, а возможности насладиться богатством и высоким положением у них, по сути, и не было. В силу этих причин (желания встретить старость в покое и комфорте) они теперь настроены достаточно миролюбиво и примирительно и сдерживают энтузиазм более молодого поколения полевых командиров, стремящихся продолжать войну против «крестоносцев» и их пособников. Эти фигуры все еще обладают властью, но вызывают острое недовольство молодого поколения моджахедов, среди которых стремительно наблюдается популярность джихадизм, наподобие того, который проповедают агитаторы ИГ.

Второе поколение талибов состоит из полевых командиров, примкнувших к движению Талибан во время его борьбы с Северным Альянсом, но еще задолго до начала вторжения США и НАТО в Афганистан. Основной идеологией этого поколения полевых командиров и боевиков является патриотизм: они видят цель и смысл жизни в борьбе с иноземными захватчиками и считают, что война закончится, если последний иноземный солдат покинет землю Афганистана или будет уничтожен. Для них самое главное в войне – это защита национальных интересов Афганистана; это – национально ориентированные деятели, они находятся в непримиримой вражде с джихадистами из ИГ и других подобного рода группировок, для которых национальные интересы, суверенитет и границы любого государства – ничто, а всемирный джихад – единственная цель своего существования. Идеология и мягкая сила этой

категории талибов носит ярко выраженный национально-государственный характер.

Третье поколение талибов – это молодые боевики, родившиеся и выросшие в условиях перманентной войны всех против всех в Афганистане и примкнувшие к движению Талибан уже после начала борьбы с KFOR. Это, в основном, убежденные джихадисты, симпатизирующие ИГ и видящие именно в ИГ пример организации истинного исламистского государства. Их идеология и ценности ничем не отличаются от идеологии ИГ. Они готовы признать верховенство ИГ, но этому препятствуют полевые командиры более старшего поколения – те, кто стоят на национально-государственных и национально-патриотических позициях и для кого война всегда была и остается внутренним делом самого Афганистана. Для молодежи талибов, зараженных вирусом джихадизма, представители старшего поколения командиров Талибана – явная и досадная помеха, которую следует устранить в интересах «великой суннитской революции», ведущейся арабскими «братьями» из ИГ.

Эти поколенческие особенности современного кадрового состава Талибана и определяют общий характер их идеологии и мягкой силы: в идеологии талибов ярко выражены точки зрения всех трех поколений, которые даже в рамках одного движения не могут не конфликтовать между собой.

Для практической реализации своей модели мягкой силы и идеологического воздействия Талибан, также как и ИГ, имеет отличный штат агитаторов и пропагандистов: талибы проводят очень сложные информационно-психологические операции, как в публичной сфере, так и в виртуальном интернет-пространстве – блогосфере и социальных сетях. При этом их идеологические кампании нацелены, как правило, на население своих «домашних регионов» – Афганистан и Пакистан, внешне воздействие на население тех стран, где у талибов нет своих интересов, и уж тем более – на международное общественное мнение – их не интересует. Но на уровне местной прессы – телевидения, печатных и электронных изданий, радио – пропагандистская работа у талибов налажена очень хорошо: вещание ведется на большинстве местных и ряде иностранных языков и диалектов. В удаленные поселения регулярно доставляются газеты, брошюры, иные пропагандистские материалы и т.д. Это обеспечивает талибам постоянный приток в их ряды новых поколений молодежи.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Иным образом обстоит дело с идеологией и мягкой силой Аль-Кайды. В отличие от Талибана и ИГ (хотя ИГ и состоит из вилайетов, но ядро у него все равно в Сирии и Ираке), Аль-Кайда – террористическая организация, построенная по сетевому принципу и состоящая из отдельных, автономно функционирующих террористических ячеек, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления террористических атак. На Аравийском полуострове действует АКАП – Аль-Кайда на Аравийском полуострове – ее боевое крыло контролирует довольно большой участок территории (с несколькими крупными населенными пунктами) в Йемене. Боевики этой ячейки Аль-Кайды, вытесненные саудовцами в Йемен из-за угроз организовать в Саудовской Аравии государственный переворот, ведут бои с шиитами-зейдитами («хуситами») и, фактически, содействуют, таким образом, Саудовской Аравии в решении ее военных задач в Йемене: так, «во время посещения города Таиз корреспондент ВВС увидел, как вооруженные силы саудитов [саудовцев – АМ] вели бой с хуситами совместно с боевиками «Аль-Кайды»» [1].

В Магрибе и в большей части так называемой французской Африки действует ячейка «Аль-Кайда в Магрибе» – на ее счету теракты в столице Мали, в Ливии, в Алжире, планирование террористических атак в Европе. С деятельностью ячейки Аль-Кайды в Магрибе некоторые политики связывают организацию террористической атаки на Париж в ночь с 13 на 14 ноября 2015 года: в частности, именно такое заявление спустя несколько часов после трагедии сделал Президент США Б. Обама. Официальная версия произошедшего, которую придерживаются французские власти, возлагает ответственность за террористические акты в Париже на ИГ, что подтверждается официальными заявлениями лидеров ИГ по этому поводу. Между тем, сразу после террористических актов в Париже высказывалась версия о том, что атака – это месть туарегов за то, что во время конфликта в Мали французы безжалостно бомбили их города.

В Сирии Аль-Кайда действует под названием группировка Джебхат ан-Нусра – это ее боевое крыло. В Ираке местная ячейка Аль-Кайды в 2006 году после слияния с еще двенадцатью радикальными группировками стала называться «Исламское государство Ирака» (теперь это ИГ). Сильные ячейки Аль-Кайды действуют в

Афганистане и Пакистане, а также в Иордании, где после гибели Усамы бен-Ладена оказалось все высшее руководство Аль-Кайды (по национальности в основном это иорданцы). Свои ячейки Аль-Кайды существуют в европейских странах, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, и не только. Все они действуют автономно, обладают высокой степенью самостоятельности, в том числе и в плане выработки собственных моделей и концепций идеологии и мягкой силы.

Идеология Аль-Кайды, возникшая и сформировавшаяся еще во время войны с СССР в Афганистане, базируется на двух основных тезисах: 1) борьбы против неверных и иноземных захватчиков, которых они называют «крестоносцами», и 2) игнорирования государственных границ и иных формальных разделительных барьеров, определяющих современное мироустройство, в котором основными акторами международных отношений являются национальные государства. Аль-Кайда по своей природе и форме организации является транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сетью – это своеобразная транснациональная корпорация, цель которой – не извлечение и максимизация прибыли, а политическая трансформация мира; именно поэтому в основе идеологии Аль-Кайды лежат их собственные корпоративные ценности, обеспечивающие корпоративную сплоченность всех участников этой сети не зависимо от географической удаленности ячеек и управляющего центра; и только потом уже на второй план выходят идеологемы панисламизма, джихадизма, борьбы с наступлением христианского мира – с теми самыми «крестоносцами»: Россией, США и ЕС. Все это формирует общий каркас, общую конструкцию модели мягкой силы Аль-Кайды, основанную на отрицании современного миропорядка с национальными государствами и национальными границами и на признании верховенства новых форм квазигосударственных образований – глобальных политических (экстремистских, исламистских, террористических) сетей. Этот каркас региональные ячейки Аль-Кайды заполняют собственными смыслами и собственным содержанием, включая туда те послылы, которые лучше всего воспринимаются населением каждого конкретного региона. Именно поэтому мягкая сила Аль-Кайды носит, с одной стороны, мозаичный характер и обладает ярко выраженной региональной спецификой, с другой, – она всегда

точно настроена на надежды и чаяния населения своего региона и поэтому обладает большим проникающим, убеждающим и стимулирующим действием.

Наиболее тонко в плане построения информационно-пропагандистской работы действуют «Братья-мусульмане» – террористическая группировка, которую многие политики и эксперты почему-то любят называть «мягкими исламистами» – безо всяких оснований, лишь на основании того, что в тех ситуациях, в которых террористы ИГ и Аль-Кайды предпочитают идти напролом, «братья-мусульмане» предпочитают подкупать местные элиты и делать то же самое, но чужими руками. Отчасти, возможно, это связано с остаточным стрессом, который многие европейские (и не только европейские) политики испытали, когда в Египте в результате законных выборов, отвечающих всем демократическим требованиям, на пост президента страны был избран лидер египетской ячейки «Братьев-мусульман» М. Мурси. В результате многие политические деятели в течение трех лет пребывали в состоянии когнитивного диссонанса: они были вынуждены пожимать руку террористу, который неожиданно для всех стал легитимным президентом Египта. Хотя, по идее, должны были его немедленно арестовать или уничтожить в ходе задержания.

В своей модели мягкой силы «Братья-мусульмане», являясь такой же географически распределенной сетевой террористической организацией, как и Аль-Кайда, опираются на собственные корпоративные ценности, важнейшим из которых, после императива «единства всех истинно верующих мусульман», является опора на высокий уровень интеллекта и образования в среде своего руководства, на выработку управленческих решений с использованием ресурсов собственных «фабрик мысли», в которые они привлекают интеллигенцию со всего мусульманского мира. «Братья-мусульмане» действуют через сочувствующих им представителей политических, научных, финансовых элит; их идеология формирует мотивационные потребности у элит и среднего класса, то есть у тех самых слоев населения, представители которых держат в своих руках реальные рычаги управления теми или иными странами. Поэтому среди руководителей ячеек «Братьев-мусульман» много университетских профессоров и «рафинированной» интеллигенции. Довольно часть «Братья-мусульмане» выделяют из политиче-

ской среды различных стран наиболее перспективных и талантливых начинающих политиков и делают их своими агентами. Примером такого продвижения может являться М. Мурси, бывший университетским профессором, или нынешний президент Турции Р. Эрдоган, бывший в молодости членом радикальной группировки «Серые волки».

В отличие от других подобного рода организаций, «Братья-мусульмане» имеют собственную внешнеполитическую концепцию, в которой встроены и существующие сегодня национальные государства, и международные организации. В этой концепции ведущая роль отводится форме участия «Братев-мусульман» в формировании мировой повестки и в решении международных проблем, с которыми «Братья-мусульмане» планируют бороться, создавая под своей эгидой собственные «волевые коалиции». Так, известна ближневосточная инициатива М. Мурси (в бытность его президентом Египта) о создании так называемого «Исламского квартета» для урегулирования Сирийского кризиса; М. Мурси призвал наиболее влиятельные страны региона – Саудовскую Аравию, Турцию, Иран – сформировать военно-политический блок для силового пресечения гражданской войны в Сирии [2]. Такого рода концепций (по масштабу и качеству проработки) нет ни у ИГ, ни у Аль-Кайды, ни у Талибана. Главная идеологическая цель ИГ – формирование квазигосударственного образования «всемирный исламский халифат», копирующий мусульманские автократии средневековья и живущий по средневековым канонам; эта идея – действенная, но совершенно не современная, не ведущая к созданию нового современного государства, способного конкурировать с уже существующими национальными государствами, а, следовательно, недолговечного. Национально-государственная доктрина талибов сводится к простой формуле «страна без крестоносцев» и не предусматривает какое-либо изменение государственных границ Афганистана, только смену формы правления и существующего в стране на данный момент политического режима. Аль-Кайда отрицает значение границ и суверенитет национальных государств, утверждая, что ее террористическая сеть по определению является экстерриториальной и не признает демаркационные и разграничительные линии, проведенные «крестоносцами» для определения территориальных границ наций-государств.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Именно с такими моделями мягкой силы различных террористических организаций приходится бороться Российской Федерации на различных фронтах, как виртуальных, так и вполне реальных, таких как война в Сирии. При этом в контридеологической борьбе против исламистских группировок, таких как ИГ и Аль-Каида, Россия использует собственную модель мягкой силы, основанной на твердой решимости отстаивать законные права народов самим выбирать свою судьбу и тех лидеров, которые будут управлять государством; в этом плане российская мягкая сила также основана на понятии справедливости, но справедливости, принципиальным образом отличающейся от того, что понимают под ней исламисты, «приватизировавшие» общее достояние – справедливость – и сделавшие ее доступной только для ограниченного круга «своих». Когда сирийские граждане в благодарность за мир и свободу, которые им принесли российские военные, называют своих детей русскими именами или дают им такие имена как «Россия», «Армия», когда сирийские солдаты ходят с футболками с изображением нашего летчика, геройски погибшего, защищая сирийский народ, это – российская мягкая сила.

К сожалению, приходится признать, что вооруженный конфликт в Сирии будет продолжаться еще очень долго. Резолюция Совета безопасности ООН № 2254 (2015) о ситуации в Сирийской арабской республике содержит подробный, пошаговый план урегулирования вооруженного конфликта между режимом Асада и оппозицией (гарантами исполнения этого плана выступают США и Россия, внесшие проект этой резолюции на голосование в Совет Безопасности), и нет твердой уверенности в том, что он будет выполнен всеми участниками конфликта, в том числе самими Соединенными Штатами и их союзниками, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, имеющими влияние на вооруженную оппозицию. Критикуя действия РФ в Сирии, США и их союзники пытаются не допустить создания в регионе коалиции под руководством Москвы. Делается это потому, что такая коалиция способна создать новую архитектуру связей во всем арабском мире [3].

В октябре 2015 года Саудовская Аравия и Турция присоединились к адресованным России призывам США прекратить авиаудары по позициям “умеренной оппозиции” в Сирии. Между тем, ни США, ни их союзники в регионе пока не смогли объяснить, где именно на-

ходится эта “умеренная оппозиция” и как ее отличить от террористических структур. Финансируемые США и их союзниками антиправительственные формирования в Сирии давно смешались с чисто террористическими структурами – такими как запрещенная в России организация “Исламское государство” и “Джабхат ан-Нусра”. Это всем хорошо известно, и разговоры об “умеренной оппозиции” – лишь политический ход. Главная цель этого хода – спасти от разгрома хотя бы часть террористических по сути структур, в которые в прошлом были вложены немалые средства. США и их союзники – Турция и многие из арабских монархий Персидского залива – долгое время формировали и выкармливали эту так называемую “оппозицию”. Тратили деньги на приобретение оружия, на обучение новейшим методам ведения войны. То есть, это очень серьезный и дорогостоящий проект. И тут неожиданно Россия делает “ход конем” и начинает наносить удары по этому бизнес-проекту. К нынешнему моменту в этом проекте уже невозможно отличить “умеренных” оппозиционеров от “неумеренных”. Например, к “умеренным” США относят “Джабхат ан-Нусра”, а между тем это организация, которая считает себя преемницей сирийской ячейки “Аль-Каиды”. Головы они режут точно так же, как “Исламское государство”, а может быть, еще более интенсивно. Потому что многие выложенные в сети ролики, которые неспециалисты относят к деятельности ИГ, на самом деле фиксируют казни, осуществленные боевиками “Джабхат ан-Нусра”. Они нисколько не менее опасны, они отнюдь не “умеренные”, просто они менее известны, чем разрекламированное “Исламское государство”.

Обвиняя Россию в атаках на “умеренные” группировки, США и их союзники начали долгосрочную комбинацию, цель которой – сохранить американский контроль над регионом. Пока американцы имитировали борьбу с ИГ, Россия предприняла попытку организовать реально действующую международную антитеррористическую коалицию. И многие арабские страны пошли на сближение с Россией в этом вопросе. После этого США и их союзники испугались, что Россия сформирует под своим контрольным управлением некий интернациональный фронт. Который сначала разберется с марионеточными исламистскими группировками, которые вооружали и обучали американцы и страны Залива. А затем этот фронт будет

выстраивать новую архитектуру международных отношений во всем арабском мире. Выступая в защиту вроде бы полезных им сегодня террористических структур, страны региона совершают ошибку. Ведь, в отличие от США, они находятся в зоне прямой досягаемости боевиков.

Вся сложность сирийской ситуации заключается в том, что в сирийский конфликт оказались вовлечены влиятельные мировые державы (США, Россия, ЕС, а также региональные лидеры), жизненно важные интересы которых в этом регионе существенным образом расходятся. Так, для России главное – скорейшая победа над международным терроризмом, уничтожение ДАИШ, Джабхат ан-Нусры и других террористических группировок и восстановление мира для сирийского народа, возможность мирно жить, растить детей, свободно голосовать за будущее страны. Для США уничтожение ДАИШ – не приоритет; для них важнее сначала убрать Башара Асада с помощью ДАИШ и прочей «оппозиции», а затем заставить разбираться с террористами своих европейских союзников. То есть, стратегическая цель США – направить Сирию по ливийскому пути, сделать так, чтобы Асад повторил судьбу Каддафи. Россия со своей успешной военной операцией в Сирии (осуществляемой совместно с сирийской правительственной армией), очевидно, этому мешает. Турция, долгое время зарабатывавшая огромные деньги на перепродаже нефти, добываемой на территории, контролируемой Исламским государством и Джабхат ан-Нусрой (сирийской ячейкой Аль-Кайды), не заинтересована в том, чтобы ее бизнес-партнеры, заблокированные сегодня в Алеппо и отрезанные сирийской армией и курдами от путей снабжения (оружием и боевиками, перебрасывавшимися с территории Турции), были уничтожены. Те же мотивы у Катара, который долгое время снабжал и финансировал Джабхат ан-Нусру, а также у Саудовской Аравии, на балансе которой содержится Джейш-аль-Ислам: все эти экстремистские группировки – это их бизнес-проекты, в которые вложены огромные деньги, которые будут потеряны в том случае, если российская и сирийская армия все же, несмотря на давление Запада, уничтожат террористов. Вот почему и США, и монархии Персидского залива будут стараться не столько уничтожить террористов, сколько сохранить

их боевое ядро (кадровый состав), вытеснив их в Иорданию или открыв им «коридор» для выхода с территории Сирии – например, в Йемен. Там боевики отдохнут, заново мобилизуются и снова будут готовы вести войну против Асада или любого его законного преемника.

После принятия Советом Безопасности ООН резолюции по Сирии участь боевых отрядов Исламского государства и Джабхат ан-Нусры в Сирии решена: они обречены на истребление. Если сирийская и российская армии уничтожат группировку террористов в Алеппо, а США и их союзники развернут наступление на Эр-Ракку и возьмут ее, Сирия будет очищена от террористов. При согласованном действии России и США это может произойти уже в ближайшие месяцы. Тогда на определенное время в Сирии, возможно, установится мир. Согласно плану мирного урегулирования, все группировки сирийской оппозиции, состоящие из сирийских граждан (не иностранных наемников, не джихадистов) и не замеченные в тесных связях с Исламским государством, «сбривают бороды» и превращаются в «умеренную оппозицию», с которой можно вести переговоры за одним столом. Именно эти люди – бывшие боевики – пойдут на выборы президента Сирии, предусмотренных планом мирного урегулирования, изложенного в Резолюции СБ ООН №2254. Но суть их оттого, что они себя назвали «умеренной оппозицией», очевидно, не изменится. В результате Сирия может оказаться перед угрозой полноценной цветной революции, которая будет разворачиваться по классическому сценарию: если на выборах Асад получит большинство голосов (а так и будет, поскольку население освобожденных от Исламского государства территорий единогласно проголосует за Асада), «умеренная оппозиция» оспорит результаты выборов, заявит об их непризнании, откопает спрятанное оружие и цветная революция очень быстро перерастет в вооруженный мятеж. Затем – гражданская война, линия фронта, удерживаемая сирийской армией против террористического интернационала джихадистов со всего мира – то есть, то же, что и сейчас происходит в Сирии. Правда, есть надежда на то, что эти планы врагов сирийского народа снова сорвет Россия. В очередной раз, своим излюбленным непостижимым образом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ВВС: Коалиция во главе с Саудовской Аравией воюет в Йемене на стороне «Аль-Каиды». [Электронный документ] / Политика. 2016, 23 фев. URL: <http://novosti-dny.ru/novosti-dnya/politika/43730-vvs-koaliciya-voglave-ssaudovskoy-araviey-voyuet-vyemene-nastorone-al-kaidy-politika.html> (Дата обращения 04.03.2016)
2. Мурси предложил создать «мусульманский квартет». [Электронный документ] / Исламский мир. URL: <http://islamtv.ru/news-2076.html> (Дата обращения 04.03.2016)
3. РИА Новости http://ria.ru/radio_brief/20151007/1298159965.html#ixzz3o4rBw9Zf
4. Арямова А.Д. Практическая реализация технологий цветных революций в Украине в 2004 и 2014 гг.: сравнительный анализ // Международные отношения. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
5. Кузнецов И.И. Влияние демонстрационных эффектов на становление политических институтов // Международные отношения. – 2015. – 4. – С. 412 – 425. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17162.
6. Карпович О.Г. Роль интернет-технологий в реализации сценариев цветных революций «Арабской весны» (на примере Египта) // Политика и Общество. – 2015. – 11. – С. 1486 – 1494. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.11.16965.
7. Косенко С.И. Фактор «мягкой силы» в культурной дипломатии Франции // Международные отношения. – 2015. – 2. – С. 197 – 208. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.10167.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. VVS: Koalitsiya vo glave s Saudovskoi Araviei voyuet v Iemene na storone «Al'-Kaidy». [Elektronnyi dokument] / Politika. 2016, 23 fev. URL: <http://novosti-dny.ru/novosti-dnya/politika/43730-vvs-koaliciya-voglave-ssaudovskoy-araviey-voyuet-vyemene-nastorone-al-kaidy-politika.html> (Data obrashcheniya 04.03.2016)
2. Mursi predlozhlil sozdat' «musul'manskii kvartet». [Elektronnyi dokument] / Islamskii mir. URL: <http://islamtv.ru/news-2076.html> (Data obrashcheniya 04.03.2016)
3. RIA Novosti http://ria.ru/radio_brief/20151007/1298159965.html#ixzz3o4rBw9Zf
4. Aryamova A.D. Prakticheskaya realizatsiya tekhnologii tsvetnykh revolyutsii v Ukraine v 2004 i 2014 gg.: sravnitel'nyi analiz // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
5. Kuznetsov I.I. Vliyanie demonstratsionnykh effektov na stanovlenie politicheskikh institutov // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 412 – 425. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17162.
6. Karpovich O.G. Rol' internet-tekhnologii v realizatsii stsensariiev tsvetnykh revolyutsii «Arabskoi vesny» (na primere Egipta) // Politika i Obshchestvo. – 2015. – 11. – С. 1486 – 1494. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.11.16965.
7. Kosenko S.I. Faktor «myagkoi sily» v kul'turnoi diplomatii Frantsii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 2. – С. 197 – 208. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.10167.